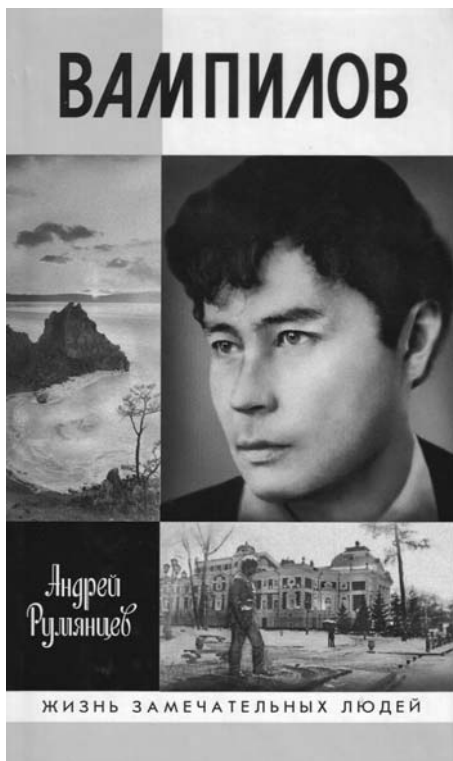


ТЕМНАЯ ВОДА

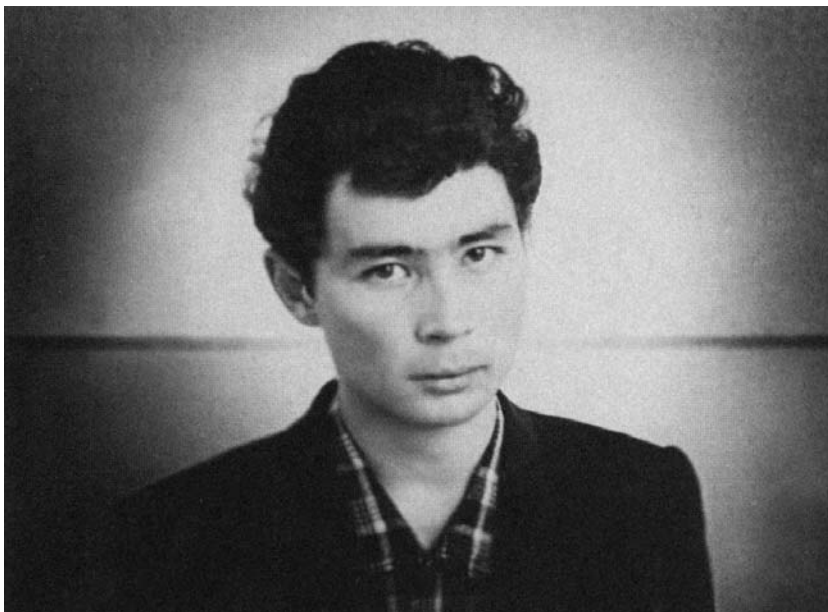
В мифологии разных народов есть общий символ — лодка. Ею правит Харон, перевозя души умерших в иной мир. В ней плывет по небу египетский бог Ра с солнечным диском над головой и освещает землю. Об этом можно было и не упоминать, если бы не один факт из биографии **Александра Вампилова**. Он тоже связан с лодкой.

В июне 1967 года Вампилов закончил Высшие литературные курсы и перед отъездом заглянул к сокурснику Н. Сидорову. Тот предложил выбрать на память одну из картин владимирских художников, которые захватил с собой, отправляясь на учебу в Москву. Александр выбрал скромный этюд, запечатлевший летний пейзаж и лодки кверху дном на берегу. Пройдет всего пять лет, и перевернувшаяся на Байкале лодка станет причиной его трагического ухода.

Из небольших, но бесценных деталей сложилась первая полноценная биография выдающегося драматурга Александра Валентиновича Вампилова, написанная **Андреем Румянцевым** и увидевшая свет в издательстве «Молодая гвардия» в серии «**Жизнь замечательных людей**» (2016). Автора книги и ее героя связывают годы близкой дружбы. Они учились в одной группе историко-филологического факультета Иркутского университета, делали первые пробы пера в университетском литобъединении и студенческой многотиражке, ездили на картошку, кадрили девушек... Они и потом не прерывали общения, хоть и случилось это уже не так часто — каждый пошел по своей тропинке в литературе. Андрей Румянцев писал стихи, занимался радиожурналистикой. Александр Вампилов создавал прекрасные рассказы, работал в газете, но главное его внимание было приковано к драматургии. И все же они находились на одной орбите, переписывались, когда была возможность встречались, рыбачили.



Рассказывая о Вампилове, Андрей Румянцев называет его Саней. Совсем небольшой штрих, но он наполняет книгу человечностью, достоверностью. Как и то, что, создавая портрет Вампилова, автор соединяет в нем ощущения и воспоминания самых разных людей. Так возникает образ живого человека, со своими сильными и слабыми сторонами, без малейшего налета бронзы и преувеличений. Но сквозь будничность повествования неизбежно проступают главные черты особой, выдающейся личности Александра Вампилова. Хотя бы в этом отрывке, где биограф цитирует омского журналиста Александра Лейфера: «Мало встречал я людей, разговари-



Вампилов в пору создания первых рассказов

вать с которыми было бы таким наслаждением. С виду Саша был немного странный. Черные его кудри были такой густоты и нечесанности, что казалось — в них согнется и стальная расческа. Но он был красив. Когда говорил. Голос тихий, спокойный. Такой голос не приходится повышать, чтобы его услышали. Просто. Когда начинает звучать такой голос, все и так умолкают. Сами. Ибо таким голосом не произносят пошлых глупостей. Таким голосом разговаривают с друзьями, ведут беседу, а не вещают, не самоизливаются, не повторяют бесчисленное количество раз “я”, “мне”, “у меня”».

Биография Александра Вампилова опирается на письма и архивные документы, отдельные периоды жизни складываются из его переписки с залитами столичных театров, издательствами, из коротких, пронизанных нежностью писем матери Анастасии Прокопьевне и жене Ольге. Его последние земные дни восстановлены почти поминутно. Читать это очень трудно.

Книга погружает в творческий процесс драматурга, и порой возникает ощущение, что прикасаешься к сакральному. Автор в какой-то степени разрушает сложившееся мнение о тернистом пути Вампилова и его непризнанности, о сложностях в продвижении в театральном мире. Конечно, было трудно, а иногда очень трудно, но Вампилов, человек большой внутренней силы, принимал это спокойно. Не отчаивался, не суетился. Вот и Андрей Румянцев подмечает: «...радовала уверенность Саши в себе, не та слепая, замешенная на амбиции, самоуверенность, а сознание собственного дара и крепнущего мастерства».

Александр Вампилов публиковался в журнале «Театр», альманахе «Ангара», в центральных и региональных газетах, в издательстве «Искусство» вышла в свет одноактная пьеса «История с метранпажем». Премьера «Старшего сына» состоялась на сцене Иркутского драматического театра им. Н. Охлопкова, а вскоре и в Ленинградском театре драмы и комедии



Жена Вампилова Ольга с дочерью Леной

на Литейном. Пьесой заинтересовались Ермоловский театр и «Современник», а до конца 1970 года ее поставили одиннадцать театров страны. В БДТ — «Провинциальные анекдоты», в Московском драматическом театре им. К.С. Станиславского — «Прощание в июне». Сложилась добрая творческие отношения с Г.А. Товстоноговым, который принял к постановке драму «Прошлым летом в Чулимске». Обидно, что премьера состоялась уже после гибели драматурга.

К слову, именно Георгий Александрович, чье влияние в театральном мире было неоспоримым, первым дал высокую оценку таланту Вампилова. Автор книги приводит опубликованный на страницах «Литературной газеты» диалог Товстоногова с В. Розовым, в котором режиссер подчеркивает, что «подлинные драматурги редки и он может назвать лишь двоих, Володина и Вампилова, обладающих особым даром — создавать мир в конфликтах видимых и невидимых». И даже цитируемые Андреем Румянцевым многочисленные рецензии на творчес-

тво молодого драматурга, пусть критические и необъективные или же поверхностные, написанные в духе времени, подтверждают главное — имя Вампилова звучало, вызывало волнение в театральной среде, сталкивало сторонников и противников.

И все же от по-настоящему трагических страниц в судьбе Вампилова не уйти. Без лишних эмоций, почти хроникально автор книги рассказывает историю публикации в Иркутске последней пьесы Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», которая «принесла ему новую душевную боль, отравила (и это не преувеличение) оставшиеся месяцы жизни». А ведь совсем недавно Александр Валентинович пережил злые нападки иркутских критиков после выхода «Утиной охоты», и вот новый виток проблем.

Принятую редколлегией альманаха «Ангара» в конце 1971 года к публикации и уже поставленную в номер, рецензент из Обллита зарубил и направил в обком КПСС, указывая на «идейную ущербность содержания». В Союзе писате-



Вампилов на балконе своей квартиры перед поездкой на Байкал. В рюкзаке — дочка Лена



Александр Вампилов в последний год жизни. Весна 1972

лей разгорелись споры, вновь созвали членов редколлегии «Ангары», и Румянцев приводит фрагменты стенограммы, сделанной 28 июня 1972 года. Материал очень интересный, но отметить особо хочется выступление Валентина Распутина.

«Когда речь идет о военных и государственных тайнах, тут все ясно (цензурное ведомство, которое все причастные к литературе и искусству называли Главлитом, официально именовалось Управлением по охране государственных тайн. — *А.Р.*). Но когда речь идет о произведениях искусства, распливчатость мотивировок недопустима. Еще важнее не допускать навешивания ярлыков. А что получается: вы, начальник Обллита, задерживаете произведение, посылаете его в обком, там, естественно, возникает сомнение: раз цензура заподоз-

рила что-то неладное, значит, действительно что-то не так. И появляется на авторе ярлык: это не простой автор, а автор, чьи произведения снимает цензура. Значит, это не совсем хороший человек, с ним надо поосторожней. Чем может кончиться такая практика, мы все прекрасно знаем...

Жизнь широка, многообразна, почему хотя бы заставить нас писать одну ее сторону — розовую? Если товарищи, которые делают такие замечания по пьесе Вампилова, называя ее ущербной, обладают правами запрещения, то пусть они сами тогда выпускают альманах — уж они-то не ошибутся. Я считаю, что пьесу... надо печатать... Если и дальше будет повторяться такая практика, то я не считаю возможным участвовать в редколлегии».

Чиновники продолжали тянуть время, не помогали повторные обращения в об-



Вампилов на Байкале с гостями из журнала «Уральский следопыт»

ком и даже заявление редактора «Ангары» Геннадия Николаева с просьбой освободить его от занимаемой должности. Вампилова удручала эта ситуация, так ясно показавшая суть некоторых его коллег и даже друзей. Вячеслав Шугаев, например, на том совещании отверг мысль о политической и идейной ущербности пьесы, но отказ в публикации поддержал, назвав драму «Прошлым летом в Чулимске» художественно сырой, с излишними повторами эпизодов с калиткой. «Больше я не подам ему руки», — сказал потом в кругу близких людей Вампилов.

«Но всегда, при любом несчастье или потрясении, связанным с бытом, с творчеством, Саша страдал молча, тайно, — пишет Андрей Румянцев, — смирял себя, будто кто-то вышний напоминал ему в эти часы и дни о трагической сущности человеческой жизни, о высоте духа, которую он пытался открыть читателям и зрителям и которую обязан был иметь в собственной душе...»

В последние свои дни он оставался человеком целеустремленным, не теряв-

шим надежд. Осенью планировал поездку в Москву, где должны были приступить к репетициям «Утиной охоты», собирался вплотную заняться подготовкой сборника всех своих пьес. В книге приводится один из последних разговоров Вампилова с Иллирией Граковой: «Все, что я писал до сих пор, — это юность. Сейчас мне хочется писать по-другому и о другом. Я вот тут задумал комедию, почти водевиль, о парикмахере, который стал драматургом...».

А роковой августовский день приближался.

Исследователи нередко утверждают, что Вампилов предвидел свой ранний уход и приводят его слова: «Я смеюсь над старостью, потому что я старым не буду». Андрею Румянцеву более провидческими и страшными видятся слова из блокнота Александра Валентиновича: «Могильная, черная темнота воды».

Елена ГЛЕБОВА

Иллюстрации из книги А. Румянцева «Вампилов»